

Мастерская

Амурский писатель Борис Машук закончил работу над новой книгой рассказов «Горькие шанежки». Это повествование о судьбах подростков, в суровую военную годину постигающих сложный мир человеческих отношений. Тысячи километров отделяют далекий станционный поселок, где живут герои книги Семушка Ломов и его друзья, от линии фронта. Но и здесь война оставляет свои отметины... Книгу «Горькие шанежки» готовит к выпуску в свет Хабаровское книжное издательство.

Сегодня мы начинаем знакомить читателей с одним из рассказов новой книги. Он передан писателем в газету по просьбе редакции.

ТА ЗИМНЯЯ ночь начиналась как многие... С вечера, когда новоселка Чердымова заступала на дежурство по станции, из-за сопков поднялась была луна, но, так и не осветив округу, скоро сама запуталась в темноте. Ночь давала силу морозу, тот, сердчая, схватывал все живое и неживое, да так сжимал, что и лед на озере трещал непрерывно. И, словно напуганный этим, полустанок затих, затаился до утра с темными окнами. Светилось только станционное окно, да семафоры то красным, то зеленым глазком глядели вдоль линии, первыми встречая проходящие поезда.

Долго тянется бессонная ночь... Ее подутренние часы — самое тяжелое время. И чтобы взбодрить себя, отпугнуть дремоту, дежурная выходила на холодное крыльцо, затаивалась в проеме двери, совсем маленькая, невзрачная, как грибок поздней осенью. Тут, на холодном крыльце, она то вспоминала страшные дни давнего отступления, когда с детьми на руках под бомбежкой уезжала от оккупации немцев, а то, придерживая дыхание, удивлялась близости звезд, морозной чистоте неба, а сама все слушала шумы на дороге, угадывая, на каком расстоянии подходящий поезд. Они шли и шли, каждый в свою сторону.

«Освещая дорогу яркими прожекторами, тот поезд бежал с запада и катился под уклон легко, быстро. Дежурная заранее спустилась с крыльца, подошла к линии и подняла фонарь. Окруженная снежным вихрем, постояла, слушая колесный перестук, а проводив взглядом красные огни на последнем вагоне, заторопилась в станцию.

Как и положено, она сразу взглянула на часы, отметила в журнале время прохождения поезда. Записав все в журнал, позвонила на одну из соседних станций, потом на другую и присела к селектору для связи с диспетчером отделения дороги. Но тут широко распахнулась дверь, и в станцию вбежал путевой обходчик Яшка Слободкин. Разодрав опухший инеем рот, он запаленно выдохнул:

— В выемке... крушение! После этих слов лицо дежурной стало блеее стенки, а в глазах заплескались страх и надеждою вперемежку. Тетка Чердымова уже видела, как падают под откосы вагоны, как легко разламываются платформы, да и сами паровозы. И она уже слышала, как страшно трещит, рвется и звенит умирающее железо.

Ей не хотелось верить услышанному. Сжимаясь от страха, она понимала, что идет война, и что дорога вышла из строя в такое время, когда все и за

все отвечают по-особенному. И еще на что-то надеясь, она таранилась на Слободкина, а тот, все так же запаленно дыша, ткнул в окаменевшую дежурную рукавицей, проговорил полусшепотом:

— Крушение ж говорю... Слышь ли?

Чужим вроде бы пальцем она нажала кнопку селектора, глухо, через силу доложила диспетчеру о катастрофе. И сразу по многим проводам понеслись тревожные звонки и предупреждения. Они остановили поезд, до срока поднимали людей с постели.

Узнав о крушении на своем околотке, похолодел, будто в прорубь свалившись, мастер Шарапов. И уже через пять минут в окна путейцев замерцали отсветы ламповых фи-

голос из нагромождения платформ и вагонов, а кондуктор с хвостового вагона сам выбрался к спасателям, держа у груди изувеченную руку.

Разборку завала начали при рассвете, тяжело от морозного дыма. Эксперты в железнодорожных шинелях осматривали колесные пары, буксы и тормоза вагонов и только потом разрешали солдатам цеплять к ним тугие танковые тросы. Сигнальщики взмахивали флажками и танки, ревя моторами на вершинах выемки, дергали и волокли из нагромождения то сплюснутый вагон, то искореженную платформу, то смятое, изуродованное звено пути. Но раньше всего они оттащили от места крушения черные послетавшие с катков цистерны с бензином.

Работа шла быстро, а эксперты все смотрели, все переписывали части состава, в котором были вагоны с мануфактурой, игрушки, солдатскими шинелями, станками, деталями для самолетов. Кроме четырех цистерн с бензином, были в составе и полувагоны с блестящим углем, платформы с

цистерны не шарахнулись друг об друга. Иначе взрывом в горловине выемки все бы вконец изуродовало и сожгло.

Говорили Калиткины наперебой, уверенно, будто сами все видели, но Семушка братьев почти и не слушал, думал совсем о другом.

Утром, узнав от Варначат про крушение, Семушка заторопился на станцию, к своему приятелю Ленке. В квартире Чаловых он увидел за столом и Люсю, и Славу Чердымовых. Тетка Катерина — Ленкина мать — подливала в их чашки суп-затируху, приговаривала:

— Ешьте, ребята... Хорошо, досыта ешьте...

Славка бодро хлебал суп, который не каждый день в доме затевали, а девчонки шевелили ложками тихо, помалкивали, испуганно взглядывая и прижимаясь друг к дружке.

Жуя, Славка повертел стриженной головой и вроде бы ни с того, ни с сего объявил:

— А мамку нашу теперь пододуют!

Все вздрогнули от таких слов, девочки посмотрели на Славу с открытым испугом. Люся опустила ложку и прикрывая глаза рукой, тихонько заплакала.

Тетка Катерина с укором посмотрела на Славу.

— Ты чего же болтаешь, дурной!

Она подошла к Люсе, прижала ее голову к себе, погладила волосы, заплетенные в косички:

— Может и не посадят, — задумчиво проговорила она. — Зазря не пугайте себя. Кто же хотел, чтобы падал состав? Вот разберутся люди во всем и выпустят вашу мамку...

Девчонки, одетые в синие одинаковые матроски с бантами на груди, сидели склонив головы, теребя край скатерки. И тогда-то, глядя на них, слышная негромкие слова Ленкиной матери, Семушка перепугался за Чердымихиных ребят,

звал Семушку. И он, не умея бороться с голодом, молча подсаживался к столу, с другой его стороны.

Так вот и ели. Каждый со своим хлебом, каждый со своим молчанием. Лишь иногда, недовольствуя на какие-то свои расчеты, Гаврила начинал выговаривать Семушке за дармоедство и бесплатное его проживание, ругал мать-покойницу, от которой он ничего хорошего не имел, попрекал Семушку углом и все наказывал, чтобы этим летом он в самостоятельные пастухи занимался вместо Саньки-однорукого, и чтобы кроме оплаты, хозяева коров брали его на свой стол по очереди. «Иначе, — подводил он итог, — жить так мы не доживались... Расходов много, а об их теперь ты сам должен думать...»

После таких разговоров Семушка жалел, что он еще маленький, что не может ответить за мать... А чтобы не замолчать совсем, уходил он к друзьям, то на станцию, то на казарму. Но в каждом из домов свои заботы и беды, и как не крутись, сколько не играй, а ночевать к себе идти надо. И по дому все делать. Печь натопить, дров приготовить на утро, воды принести. Летом картошку прополоть да окучить надо, присмотреть за коровой, которая была к нему добрее, чем отчим.

Закончив четвертый класс, Семушка почти два месяца ходил в подпасках у Сашка-однорукого, часто и по несколько дней совсем один оставался со стадом, поредевшим за это время. Держали люди одних коров, а молодяжка приходилось пускать под нож для проорма.

В конце августа Сашко свозил Семушку в Узловую. Купил ему штаны, рубашку, даже ношеную железнодорожную тужурку и совсем еще крепкие сапоги.

— В школу бегать в самый раз будет, — говорил Сашко.

Он же не знал, что Гаврила уже отказался платить за Семушкино проживание в интернате, за учебники...

— Езжай, учишь, ежели тебя на государственную дотацию посадят, — говорил тот, починя мешок перед скорой уборкой картошки. — А у меня не банк, у меня грошей не водится...

Семушка хотел сказать, что денег на учебу можно выручить от продажи картошки и другой огородини, которую он наравне с Гаврилой сажал, а летом, по жаре, пропалывал и окучивал... Но он и тогда смолчал, как делал это со дня материных похорон. Только потом, проводив Юрку Шарапова, Амоса, братьев Слободкиных и других ребят, не стерпев он и немного поплакал у Зорьки в сарае.

Вот и на эту зиму остался Семушка в старой шубейке, купленной еще матерью на большую пенсию. А из шубы он уже вырос, рукава ему совсем коротки были, и ходил Семушка вроде подстрелянного. Когда уже совсем невмоготу стало, он нащипал рукавичкам раструбы из грубого брезента, чтобы хоть ветер в рукава не цедился.

Но брезентом тепла не нагонит... И теперь вот, шагая с друзьями, Семушка толкал руки в карманы, распоровшиеся по краям, думал про ребятшек Чердымовых, про свою жизнь, про крушение... Он прислушался было к Пронькиному рассказу и, неизвестно на что осерчав, резко проговорил:

— И чего ты, Пронька, трещишь все? Ахнуло, закрутило... Будто ты радуешься крушению. А ты его своими глазами-то и не видел...

Ребятишки посмотрели на Семушку с немалым удивлением, а Пронька насутился и про бурчал:

— Ты, Семка, прямо ляпашь не подумав... Чего бы мне радоваться? Я-то причем, если так в станции говорили? (Продолжение следует)

Борис МАШУК

РАССКАЗ

тилей. Наскоро одеваясь, по скрипучему снегу люди торопились к гаражу и, захватив инструмент, почти бегом ушли в выемку.

Над сопками только-только прорезалась полоска холодной зари, когда под окнами спящего Семушки снежным целиком вдоль линии к выемке прошли тяжелые танки. А на полустанок примчались две моториссы с начальством, врачами, экспертами, энкведэшниками и отделением солдат-автоматчиков. Энкведэшники сразу опечатали журналы, велели Калиткину до срока заступить на дежурство. Оглушенная горем Чердымова молчала, делала все как во сне и только когда ее повели к моториссе, она повернулась с порога к Калиткину, попросила негромко:

— За моими тут присмотри-те...

Тем временем место крушения оцепили автоматчики. Потарапливаемые начальством и врачами, рабочие разыскивали паровозников и кондукторов из состава. Кое-как добрались люди до будки разломавшегося надвое паровоза. В ней нашли мертвых кочегара и машиниста, все сжимавшего ручку экстренного торможения. Помощник машиниста был еще жив, но едва дышал переломанной грудью.

Не сразу, но обнаружили и кондукторов. Один стонал под ворохом досок, другой подал

досками, кирпичем. Среди них оказался и четырехосная платформа, во всю длину накрытая брезентом. Этой как-то повезло больше других. Она и стояла на своих собственных колесах. Одна их пара врезалась в стылую землю откоса, а другая оставалась на полотне. От удара и перекоса борт платформы развалился у края, тут брезент лопнул, обнажая кусковую, крупно-зернистую соль.

На подмогу танкам к месту крушения с обеих сторон подошли мощные подъемные краны. Посвистывая паром, один начал поднимать части паровоза, смятые вагоны, которые ставил на специальные платформы спасательного состава, а другой кран огромным ковшем переносил на откос выемки уголь, обломки досок, балласт.

В выемку привезли рабочих с других околотков, пришел студбеккер с солдатами. Движения на месте аварии прибавилось, работа пошла быстрее.

К обеду, когда потеплело, к выемке от станции заторопилась ватажка ребят — Семушка, Ленка Чалов, братья Калиткины, Загидулла-татарчонок, деревенские Цезарь и Пронов Тараска. Шли они по линии, слушая Проньку и Толика. Эти с утра торчали у отца в станции, слышали переговоры начальства и теперь рассказывали как оно ахнуло, да как стало разваливаться, да хорошо, что начав кувыркаться, бензиновые

которым без матери ой-как могло тяжело показаться.

Как жить без матери, Семушка хорошо знал. Считай год, как сам он сиротствовал. Прошлой весной, не охнув, не застав умерла его мать. Будто уснула с каплями слез в глубине ввалившихся глаз с желтыми полукружьями. Семушка утром подошел к ней, позвал, взял за руку... На всю жизнь запомнил он холод этой руки. Но ни тогда, ни в дни похорон не заплакал. «Окаменел хлопчик!» — сказала на кладбище Степанида Слободкина. Другие теткы кивали ей, соглашаясь, а на Гаврилу Ломова смотрели с укором.

Тогда, глядя как засыпают могилу, Семушка уже знал, что теперь не будет в их квартире его надежного друга, не будет тепла и опоры. Мать и больная, и лежащая помогала ему. Она могла взглядом остановить отчима, задержать его грубое слово.

В доме со дня похорон Семушка больше молчал. С кем говорить ему было? Тогда, воротаясь с кладбища, Гаврила сказал:

— Живи тут, хошь и не родной ты мне... Гнать я тебя не буду, но разносолов, шубовборчаток да пуховиков под бока не обещаю... Братья мне их не за что!

Варили они не по очереди, а кому было сподручней. Но и сварив, и поставив картошку на стол, Гаврила никогда не

Сегодня мы предлагаем читателям новую постоянную газету, которые на главных, комсомольских нашей области: и Бурейской ГЭ кало-Амурской м ли.

ГОД

Год прошел. Сорван первый. Можно подытожить. Для чего мы ждем? Братья больше. Это все для себя. Подытожь свершения. Что пришлось сделать? Что случилось? Сколько дней? Сколько раз ты был в работе? Что ж, не было любви? Хорош. Не глядя в зеркало. Значит, ты к себе. Если брал кружки. Зажигал расвет. Значит был с прелем. В будние и праздники. А случались голы. Головы не вешали. Значит, в жизни. И она поверила.

К

Углы все изрезаны. Но памятью сны. С годами стареет. Склоняюсь в распутице. Слова затаяны. Как много мне осталось. Лишь трону на Увижу до боли. Как будто ты Ремень легко с себя снял. Как вышло, что твой выстрел. Припомнить тот Лавину огня из. Где столько уж. Стоит без пилот. Как встретил, ты. Ты гучий, фа. Я верю, что в. О сыне ты вспо. Я знаю. Ведь в. Горит у меня н.

Четыре года звено». Он — лавина. В прошлом году. Деятельного нар. НА СНИМК. Фото В. СОКО

РАЗГОВОР прервался и дальше ватажка даглась молча. Она уже спустилась в выемку, издала рассматривая нагромождение из остатков состава. Нужно было бы подойти поближе, но на линии стоял сержант в полубудке и с автоматом.

Подойдя к нему, ребяташки потоптались перед охранником, не зная, можно ли им подходить, а сержант, глядя на них, проговорил с удивлением:

— Та-ак... Иностранцы наблюдатели приехали. — Поправив автомат, торчащий из-за головы, коротким прикладом, он усмехнулся, показав белые зубы, и посовещивался: — Ну-ка, герои, загребайте обратно. Пока к железу соплями не попристыли. Отдалбывать вас пока некогда тут...

Ребята дернулись рукавичками к носам и, задрав головы, посмотрели на автоматчика. Сержант тоже смотрел на них. Но, хотя он смотрел и с улыбкой, все поняли, что по линии дальше им хода нет. Тут Семушка заметил на вершине откоса, до черноты изрытого гусеницами танков, драмную шапку Петьки Варнакова. Размахивая руками, тот крутился около танкистов в темных комбинезонах. Семушка свернул с линии и по следу, проложенному в глубоком снегу, стал подниматься наверх. За ним полезли и все остальные.

Увидев дружков, Петька заторопился к ним. Придерживая рукой сползшую на нос шапку, он звонко спросил:

— Видаль, чего тут наделали?

Петьке никто не ответил. Глядя с высоты откоса, ребята не узнавали выемку, через которую ходили в сопки. Теперь выемку закупоривал завал из вагонов, платформ, рельс, шпал, угля, досок. Все это было искорежено, смято, перемешано и Семушка ужаснулась, подумав: «Это же сколько сил надо и времени для ремонта дороги!» Но Петька, будто угадав его мысли, махнул рукой.

— Ништяк все! — Он циркнул слюной и сообщил: — В пятнадцать ноль-ноль поезд двинутся!

— А пятнадцать — это во сколько? — уточнил Толик.

— В обед, значит, — объяснил Петька.

Ребяташки сощурясь посмотрели на солнце, глянули вниз, а потом, с недоверием — на Петьку.

— Думаете, брешу? — загорячился тот. — Хотите знать, так приказано. А приказы, хотите знать, не обсуждаются вовсе...

Раздумывая, молча стояли ребята наверху, глядя как торопливо рабочие подчищают лопатами да кайлами балласт, выравнивают полотно, сбрасывая за коветы остатки угля, досок, которые не мог захватить ковш крана. Беспрерывно стучали молотки, с морозным скрипом укладывались новые шпалы, вытягивались линии рельсов. Рабочие вели к завалу новую линию, а впереди них что-то ухало, скрипело, ревели дизели танков, посвистывали паром краны. И наверху — на откосе — пахло соляром и дымом от костра, у которого по очереди грелись солдаты. Они собирали рассыпанные ящики, коробки и тюки, которые сортировали и то ставляли в сторонку, то перегружали в менее разбитые вагоны.

Сменившись с поста, а ребяташким подошел сержант-автоматчик.

— Ну, патроны! Вас-то какая нелегкая держит здесь? Ведь посинели уже! — Улыбаясь заиндевелым лицом, он подтолкнул всех к костру. — Вот погрейтесь ма-

ды, что хотя и с малой скоростью, но поезда уже ходят...

К вечеру уладилось многое... Уехали из выемки заиндевелые танки, студбеккер с солдатами. Вместе с уставшими рабочими на полустанок вернулись автоматчики с веселым сержантом. Еще утром тот разместил своих солдат в пустом зале ожидания. Дневальные заранее установили в нем железную печьку, трубу от которой вывели в окно. Нагрев зал, солдаты вымыли пол, устроили себе постели. Теперь, меняясь по очереди, они должны были охранять товары и грузы, оставленные на откосах выемки. К месту крушения часовые не пропускали

никого постороннего и смотрели, чтобы у грузов не задерживался никто из рабочих.

Обо всем происходящем на месте крушения ребяташки узнавали от родителей или взрослых соседей. Семушка днями пропадал в дежурке на станции, где собирались на пересменку обходчики, то у дружков на казарме. Там тоже обсуждали события и говорили о новостях. Новости были хорошие. Говорили про неизвестную экспертизу, которая установила, что крушение произошло от скола в бандаже одной из колесных пар. А скололось колесо из-за плохой отливки и раковины в металле. Что тут к чему, и какая раковина могла оказаться в железе, Семушка не очень-то понимал, но его радовало, что не тетка Чердымха виновата, хотя ту еще и не отпускали. Говорили, что стук сколотого колеса она должна бы услышать во время прохождения состава через станцию, но как она могла отличить этот стук среди грохота многих колес, никто и не ведал.

За разговорами об этом в морозный вечер присидел Семушка на казарме до самого заката. Он ждал, когда чувашенок Ваня Колесин дочтает и передаст ему книжку про Робинзона Крузо, привезенную в школу Ниной Васильевной. И только заполучив книжку, он побежал было домой, но на переезде увидел идущую по линии бригаду рабочих.

Как всегда, чуть впереди шагал мастер Шарапов с уровнем на плече. А за ним на двухколесном мадароне везли закрытый брезентовый короб. Не инструмент, а что-то непонятное, выпиравшее продолговатой горбушкой. Это и удивило Семушку. Куда же подевались лома, лопаты, кайлы и все остальное, что обычно увозила с собою бригада?

Проходя мимо, дядька Шарапов махнул Семушке рукой и вслед за бригадой он свернул к гаражу... Подъехав к нему, рабочие обступили короб, нтужась, подняли и и тяжело понесли мимо гаража к красному уголку.

Семка, дверь, двери открываю. — Хрипло приказал ему мастер.

Семушка забежал вперед, вытащил из пробоя никогда не замыкающийся замок и распахнул двери. Протискиваясь через проем, мужики вошли в темное и холодное помещение и прямо против

вниз. Скоро он вернулся и начал раздавать маленькие шукувины из пластмассы, похожие на бочонки. Выдавывая замерзшими губами «Спасибо!», ребяташки брали их, с недоумением разглядывали непонятные такие подарки.

Сержант понимающе усмехнулся, взял из рук Семушки чернилку и быстро открутил крышку с воронкой.

— Вот, видели? Наливаете сюда чернил до половины, закручиваете крышечку, и — мажьте перышко на здоровье! А чернилку, как ни положи, из нее ничего не прольется... Она и называется непроливайкой... Понятно?

Семушка кивнул, взял чернилку обратно. И хотя ему, отлученному от школы, она была почти не нужна, он с благодарностью взглянул на сержанта.

У зимнего костра много не нагреешься, особенно если одежда худая и сам уже промерз насковозь. Лицо жара не терпит, а спина от холода ежится и пальцы в валенках стынют. Но и хотелось же посмотреть, как пройдет через пораненное место дороги первый состав. Для этого все люди работали... До поезда совсем уж не много осталось, но и терпения не было никакого. Семушке казалось, что даже в пустом его животе все перемерзло. И, потоптавшись еще, прикрывая посоинелые лица, засеменяли ребята домой.

Еще не доходя до станции, они увидели как взметнулся вверх рычаг семафора, до этого дремавший в долгом бездействии. И сразу же обрадованно, длинно прогудел паровоз скорого поезда, отправленного на полустанок из Узловой, в которой не хватало путей для скопившихся поездов. Распушив усы из пара, паровоз медленно потянул состав. Переступившись заснеженными колесами, поезд прошел мимо ребяташек, не верящих, что уже пятнадцать ноль-ноль и что вот — началось движение. Ежась от холода, они наблюдали, как медленно, не увеличивая хода, скорый спускается в выемку, и его зеленые вагоны с дымящими над крышами один за другим скрываются за стеной откоса.

Незаметно для себя, Семушка даже вздохнул с облегчением, понимая, что самое страшное поза-

Борис МАШУК

РАССКАЗ

КРУШЕНИЕ

[Продолжение. Начало в № 25].

Рассказ печатается в газетном варианте.

школа. «Белая ладья». 16.40. Э. Оганесян. «Симфония». Исполняет Большой симфонический оркестр Центрального телевидения и Всесоюзного радио. 17.15. «Москва и москвичи». 17.45. «Разговор по секрету». 18.30. Новости. 18.45. Премьера телевизионных короткометражных художественных фильмов. 20.00. Кубок обладателей кубков по футболу. 1/4 финала. «Реал Бетис». (Севилья, Испания) — «Динамо» (Москва). Передача из Испании. 21.30. «Время». Информационная программа.

22.00. Приглашает концертная студия в Останкино. По окончании — новости. **ВТОРАЯ ПРОГРАММА.** [10 канал]. 18.30. «Глюцерск». 19.15. Областной выпуск последних известий. 19.30. «Обвиняется апартеид». Документальный фильм. 19.45. «Соперники». Кукольный фильм. 20.00. «Голосеевский лес». Фильм-спектакль. **4 марта. ПЕРВАЯ ПРОГРАММА.** [3 канал]. 9.00. «Время». Информационная программа. 9.35. Утренняя гимнастика. 9.55. «Зимняя горка». Концерт. 10.25. «Для вас,

порога поставили короб на пол. Тут же засветили лампу, кто-то снял брезент и к еще большему удивлению Семушка увидел в коробе соль. Матово-серую, слежавшуюся в комки и рассыпанную крупными зернами.

Семушка еще не успел наудивляться такому делу, не успел догадаться, как же такая прорва соли с места крушения попала сюда, а в красный уголок уже стали заходить женщины с мешками в руках. Они останавливались около порога, дыша парком и пряча руки в карманах, затихали, неотрывно глядя на уложенное в короб богатство.

Соли уже второй год не хватало

чит... Из этого добра все тут хозяева. — Он повернулся к мужикам, уже ссыпающим соль с весовой чашки в чай-то мешок. — Чердымхину семью не пропустите... А ты, Катерина, садись вот рядом с Колесным и отменяй всех получивших по списку. Не забудте стариков Орловых, других зайнейных. Получить пай должны все, кто есть при дороге...

Народ все гуще толпился у порога. Ожидая очереди, женщины готовили мешочки, мужики дымили самосадом и, наблюдая, как убывает соль из короба, негромко переговаривались. Затаясь на краешке скамьи, в самом углу, из их разговоров Семушка узнал, что это соль дядька Шарапов привез сегодня, перед отправкой последней платформы, у сержанта — командира отделения автоматчиков. Тот сначала сказал, что, мол, это судебное дело, но Сергей Петрович объяснил, как страдает народ из-за соли и что просит он немного совсем, чтобы выдать как премию за авральную работу на ремонте пути. Тогда сержант согласился... Он вроде бы и не заметил, что нагрузили соли поболее центнера и что для премий такого короба, может, и многовато... А всю остальную соль аккуратно собрали, смели под веник на другую платформу и увезли. И в тот же день сняли охрану из выемки, и автоматчики с веселым сержантом уехали в свою часть.

Рассуждая, мужики потихоньку хвалили заботливого мастера. Семушка тоже поглядывал на Сергея Петровича — худого и заросшего, совсем почерневшего за эти беспоконные дни. А еще больше смотрел он на теток. И станционных, и казарменных. С удивленной радостью подставляли они мешки под железную чашку весов, кажется, маленькую в клешиных руках чуваша Колесина. И, замিরая в углу с книжкой за пазухой, Семушка тоже тихонько радовался, зная, что и завтра хорошо будет всем и легче станет во всех квартирах. Тетки и сейчас стоят с хорошими лицами, разговаривают без вздохов...

— Так... Ломовы, — поднимая голову от бумажки, проговорила тетка Катерина, шуря глаза в полумрак. — А где-то тут Семушка вроде был... Или убежал уже?

— Да здесь он, здесь, — отозвалась Варначиха и подтолкнула Семушку. — Чего прячешься, молчишь-то чего? Иди, получай пай на семью...

Куприян Колесин нагнулся и вытащил из шкапа большой холщевый мешок, в котором носили хлеб от развозки.

— Вот тебе тара, — глухо проговорил он. — Завтра вернешь. А от соли мешку ничего не поделаешь... Хлеб да соль никогда не мешали друг другу...

Приняв мешок с приятной тяжестью, Семушка опять пробрался в угол и затаил с ликующим сердцем. Не балласт же, не камни для рогаки лежали у него — на коленях, а настоящая соль. Ее-то совсем мало оставалось в его берестяном туеске. А теперь вот, завтра, он молотком растолчет эти комочки, разотрет до самой мелкости и все-то у него получится...

Скоро дележ кончился... После взвешивания остатков на пай вышло еще по полтора килограмма. Получив их, вслед за соседкой — теткой Варначихой, — Семушка вышел из красного уголка, под голубой лунный свет.

[Окончание следует].

Редактор А. СОФИН.

ТВ

3 марта. ПЕРВАЯ ПРОГРАММА. [3 канал]. 9.00. «Время». Информационная программа. 9.35. Утренняя гимнастика. 9.55. «Отзовитесь, горнисты!» 10.25. «Путь к Софии». Телевизионный многосериальный художественный фильм. 5-я серия. 11.35. «Песня. Романс. Вальс». 12.20—15.00. Перерыв. 15.00. Программа телевизионных документальных фильмов. 15.40. «Поэзия». Е. Баратынский. 16.10. «Шахматная

Музыкальная программа «Утренняя почта». 11.25. «Больше хороших товаров». 11.55. «По музеям и выставочным залам». «Дрезденская картинная галерея». Живопись Италии. 12.20. «Борис Мокроусов». Песня». Фильм-концерт. 12.45. «Советы и жизнь». 13.15. Тираж «Спортлото». 13.25. «Музыкальный абонемент». В программе камерные произведения ленинградских композиторов В. Тищенко и Г. Баншикова. 14.05. «Здоровье». Научно-популярная программа. 14.50. Фильм для детей. «Тигры на льду». Телевизи-

онный художественный фильм. 16.10. «Литературные встречи». «На земле тюменской». 17.00. Концерт советской песни. 17.30. «Очевидное — невероятное». 18.30. Новости. 18.45. Премьера телевизионного спектакля «Мораль пани Дульской». 21.30. «Время». Информационная программа. 22.00. «Спутник кинозрителя». Ведет передачу заслуженная артистка РСФСР Г. Польских. 22.30. Эстрадная программа с участием чехословацких артистов. 23.15. Чемпионат СССР по легкой атлетике в закрытом помещении.

ГАВРИЛЫ в тот вечер не было дома. До утра он заступил на дежурство по околотку. Семушка протопил печь и забрался в постель. Хотел почитать книжку, но Гаврила всегда ругался из-за керосина. Быстро посмотрев картинки, Семушка погасил лампу. Долго еще вздыхал под стареньким одеялом, и мысли его тянулись разнородно, то о малых приятностях, то об огорчениях, которых хватало в его непонятной жизни рядом с Гаврилой.

Теперь Семушка лучше других видел то, о чем раньше ни говорить не хотел, ни слышать. Совсем заматерел Гаврила в нелюдимости с жадностью. Семушка стыдился, когда отчим перемеривал надоевшее им молоко. А сам разбавленным молоком поил танкистов, иногда заезжавших по дороге на полигон или с полигона. Но не только тем был противен Гаврила... Перед офицерами становился он покорно-торопливым, вроде бы радым приходу гостей. Выгибая спину горбом, он приговаривал: «Счас, товарищи, счас... Для дорогих защитников нам не жалко...». А когда танкисты, заплатив, уходили, Гаврила смотрел им вслед тягучим, злым взглядом и лицо его вроде как жестко обтягивалось. А нос становился острой и клювастее. В такие дни до боли ненавидел Семушка отчима. Гаврила, оставляя деньги на хлеб, старательно пересчитывал каждую трешничку с нарисованными на них красноармейцами и старался дать так, чтобы вышло без сдачи...

— Как вода текут, — горько у стола, иногда вздыхал он. — С двумя руками их много не заработаешь...

В такие минуты, глядя на вытянутое, опущенное книзу лицо отчима, одетого в латаный пиджачишко, Семушка чувствовал в нем непонятную обреченность, вызывавшую жалость. И детским своим сердечком он все надеялся на добрые перемены, все ждал, что, может, встряхнется Гаврила, что раскроются его глаза на людей. Угольком под золою костра эта надежда теплилась в душе мальчишки, ожидая, когда дунет на нее добротой и лаской, чтобы обогреть душу, чтобы вызвать ответное чувство. И в этот вечер, уже заспав, в самый последний момент Семушка вспомнил о чашке соли, стоящей в углу у кровати и улыбающейся, будто задевший теплым лучом.

Гаврила пришел утром. Глянув на отчима, Семушка почувствовал в нем какую-то размороченность, даже довольство, скрытое под рыжей щетиной. И когда Гаврила сел есть, он поставил на стол чашку с солью, негромко сказал: — Вот ... Нам дали!

Отчим быстро взглянул на Семушку, влез в чашку рукой, набрал горсть соли, пересыпал ее, спросил:

— И кто ж это дал? — Обчество, — неожиданно вспомнив слово, сказанное вчера мастером, ответил Семушка. — Ее как премию бесплатно вырешали вчера. По шесть с половиной кило на пай получилось.

Гаврила хмыкнул, усмехнулся даже, чем немало удивил Семушку, и уже с равнодушничкой отодвинул чашку.

Поев и проспав до обеда, Гаврила вдруг взялся налаживать сани, сделанные специально для перевозки угля, сена и старых шпал на дрова.

Копаясь, отчим что-то приговаривал, вроде мурдыкал. Меняя Зорьке подстилку, Семушка затаялся в сарае, прислушался и понял, что Гаврила поет. Он даже слова разобрал: «Первая пуля убила коня, а вторая пуля ранила меня, — выговаривал Гаврила и выдыхал с чувством: — Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить, с нашим атаманом не приходится тужить...». Пораженный Семушка даже прислонился к стене; не

зная что и подумать...

Уже под вечер зашел в дом Гаврила. Не зажигая огня, молчком пожурил у печки, что-то решая и, опять выходя за порог, приказал:

— Собирайся!

Не приученный спрашивать, Семушка натянул шубейку, достал с припечки варежки и вслед за отчимом вышел наружу.

Во дворе Гаврила молчком ухватил вожжевую веревку от сани и поволок их по тропинке к линии.

Упираясь руками в заднюю стенку ящика, Семушка подталкивал сани, не зная, зачем они тащатся к месту крушения поезда в это позднее время.

Борис МАШУК.

(Окончание. Начало в № 25, 27).

Но вот Гаврила остановился около остатков платформ и вагонов, собранных в кучу, и, захватив из короба штыковую лопату, уверенно двинулся вдоль кювета, до краев засыпанного утоптаным снегом. Шагая, отчим будто бы крался к чему-то, всматриваясь в снег. Увидев торчащую бурьянину, он потянул ее, легко вытащил из снега и в этом месте начал копать. Скоро лопата ударила обо что-то твердое и тут же Гаврила стал выворачивать из кювета большие белые комья, похожие на головы снеговиков. Ухватив один из них, отчим понес его к саням. Перешагивая через редьсы, он приказал Семушке:

— Таскай в сани!

Только выбрав себе кусок, взглядевшись в него, Семушка понял, что в руках у него соль.

Скоро комков набралось вровень с краями ящика. Гаврила пересчитал их про себя, шагнул было опять за линию, но в глубине выемки замерцал огонек фонаря путевого обходчика. Схватив лопату, отчим заторопился к саням. Падая грудью на веревку, он натянул ее, прохрипел: «Толкай, Семка!».

Своим следом они по насыпи вернулись к тропе, придерживая сани, спустили их с линии и кое-как через глубокий снег выбрались на дорогу. Здесь стало полегче. Гаврила остановился для отдыха, свернул самокрутку. Стоящий сбоку Семушка глянул на отчима и, не сдержав любопытства, спросил:

— А... ты как же узнал про нее?

Гаврила взбулькинул горлом и заговорил с нотками наставительства.

— Всегда, Семка, нужно голову при себе иметь... ха-а, узнал, говорит? Как же не узнать, ежели я сам ее в ту яму уклад... Да было б у меня сала поболее, я бы за то дежурство пол-платформы под снегом мог схоронить... Солдат ноне тоже голодный ходит, с салом с им говорить можно... Гаврила усмехнулся, а Семушка, мало что поняв, скovyрнул поскок валенка снег, глянул исподлобья, спросил:

— А где же ты сало добыл? У нас его вроде бы нет.

— Х-хы, сало! Сало кой у кого ништо имеется. Только деньги плати. Вот я и заплатил, чтобы поболее денег взять... А это дело не по твоей башке. Это коммерция-комбинация называется...

Гаврила помолчал, пыхая дымом и сидя в расслабленности и благодущии.

— Делом, Семка, надо уметь вертеть, — опять заговорил отчим. — Вот она — соль-матушка. В какой другой раз — пустяк, вина, а по понешнему времени самый дорогой продукт. Человек же привык жрать все соленое. Без этого он не может. Без соли у него кость слабнет, скелет критить начинает... А вот где ж ее взять, если и в Узловой на складах не имеется? Без соли нонче все бедствуют. Обедая в Узловой, в деповской столовке, где локомотивные бригады харчуются. Машинисты, вон, на особом пайке живут, а соль, видел я, с собой в бумажке носят, чтобы в суп себе добавлять... А тут вот она, берн, товарищ дилектор, по-

стану жить.

Эти слова, оказывается, давно просились наружу и высказав их, Семушка почувствовал непонятное облегчение, отчего распрямился и вроде бы стал ростом выше. Но не успел он сделать и пяти шагов, как что-то темное метнулось за ним, крепкие пальцы схватили воротник старой шубейки, рванули назад и рядом, совсем близко Семушка увидел глаза отчима — напряженные, злые.

— Если про соль пикнешь — задавлю! — пригрозил Гаврила. — И с мамашей в землю устрою! Понял! Не дури, Семка, — с приглушенной угрозой, горячо попросил Гаврила. — Не дури... Я, знаешь, не остановлюсь...

РАСКАЗ

купай сольку...

— Как... покупай?

— За деньги, Семка, за деньги... Я не дурак задарма добро отдавать. Раз мешок свезу, другой раз... Деньжат дадут, а еще и талонов на дармовую сольку. Там, глядишь, и каклетов отломится от приварка...

Довольный Гаврила схохотнул, поднялся, закидывая веревку на плечо и сильно потянул сани. Семушка понуро склонился к задней доске короба, опять уперся в нее...

После остановки он заметил, что мороз к ночи опять покрепчал, будто на свет луны озлобился. Но холода поднимался из глубины Семушкиной души.

Семушка вспомнил чашку с честно полученной солью и теперь она показалась ему маленькой и даже... ненужной. И плохо же стало ему, как было при больном зубе, который донимал его летом. Тогда Петька Варнаков взял у матери шепотку соли, мелко-мелко растолок ее и присыпал большой зуб.

Вспомнив про Петьку, Семушка со страхом подумал, что этот проныра может пронюхать про соль у Гаврилы... А от него уж обязательно все узнают. И Люся с Любовью, и Славка, мать которой все еще сидит в каталажке... И мастер Сергей Петрович узнает, чувак Куририя Колесин, тетка Катерина со станции... Да все же узнают. И к кому тогда он в дом зайти сможет? Не будут дружить с ним ни казарменские, ни станционные ребята...

Они уже добрались до своротка на дорожку к дому. И тут Семушка убрал руки с ящика, распрямился, спросил у Гаврилы:

— А ты... куда ее повезешь?

Семушка хотел спросить по-другому, прямее, но его сдерживала зависимость от этого человека, от своего возраста и горестного положения сироты. Гаврила же, удивленный вопросом, даже плечом передернул.

— Домой повезу...

— Вчера соль в красном уголке поделили, — проговорил Семушка. И чуть мягче добавил: — Ну, взял бы немного, а куда еще жадничать?

Он ожидал, что отчим начнет ругаться, но тот вскинул веревку на плечо и санные полозья закрипели опять. Семушка посмотрел ему вслед и пошел по дорожке к линии. Но через мороз в свет его догнал резкий вопрос:

— Ты куда?

Семушка остановился, через плечо глянул на отчима.

— На станцию.

— Делать чего?

— Я там почевать буду... Там

маем кой-чего...

В небольшой, аккуратно прибранной и чистой квартирке Нинки, сытно накормленный устроенный на стульях у теплого обогревателя, Семушка скоро забылся в неровном сне.

Семушка спал, не зная, что в эту ночь оказалась почти бессонной. Калиткин вызвал в станцию мастера Шарарова. Поговорив, они позвонили в Узловую. Скоро на полустанок приехал следователь из милиции. Взяв мужиков в понятия, он сразу отправился к Ломову. Гаврила им долго не открывал, но потом все же впустил. Следователь усадил его на кровать и велел сидеть смирно. Начав обыск, он у себя под сеном обнаружил соль, уже разложенную по мешкам. Их перенесли в дом, составили у стены. Гаврила смотрел на все вроде бы безучастно... Следователь начал было писать протокол, но отложил ручку, задумчиво посмотрел на Гаврилу и неожиданно велел Слободкину открыть крышку подполья. Ничего не понимая, тот склонился к скобе, и тут на него бросился разъяренный Гаврила.

— Не трожь! — дико заорал он. — Не трожь, гады!..

Следователь будто бы ждал этого. Пружинисто вскочив с табуретки, он подставил ногу и свалил Гаврилу, ловко вывернув руку. Гаврилу повязали и опять устроили на кровать. Слободкин спустился в подполье, осмотрел его, чиркая спичкой.

— Тут, понимаешь, земля свежая взрыта, — сообщил он наверх.

— Ага, а вот банка какая-то картошке... Вот и еще банки еще...

Гаврила глухо застонал, скрипнул зубами. Следователь принял от Слободкина банки, открыл одну из них и на стол посыпался деньги.

— Ну вот, теперь все понятно, — усмехнулся следователь. — А то я думаю, чего он нас в полушубке встречает, да дверь открывать не торопится... И крышка подполья, гляжу, потревожена, а на полушубке, гляньте, на плече у него клоп паутины приставший.

— Следователь тяжело посмотрел на Гаврилу, спросил у урор: — Уйти хотел, Ломов?

Мужики начали выкладывать деньги на стол. Расправленные при пересчете, они ложились бумажка к бумажке, их куча росла. И тут в одной из банок обнаружилась золотые монеты, кольца. Глядя на деньги, мужики, каждый по своему, подумали о своем жилье, о займах для фронта, которому отдавали последнее, о покойной матери Семушки и с удивлением, как на непонятное чудо поглядывали на Ломова, ходившего вечно оборванным, грязным. Он и сейчас-то сидел в залатанных ватниках...

Когда деньги пересчитали, следователь заставил мужиков расписаться в протоколе. Спрятав бумаги в папку, он поправил кобур с наганом и подошел к Гавриле.

— Вставай, граф, Монте-Кристо... За укрывательство золота и валюты, за попытку убийства мальчишки ты уже лет двадцать имеешь... Но, думаю, после наших разговоров и до «вышки» будет не далеко...

Гаврила взглянул на милиционер, на мужиков с бешеной злобой. Его тут же подняли и как был — со связанными руками — повели к станции...

О случившемся ночью Семушка узнал только утром. А узнав, долго сидел молча, крепко сжав зубы...

Почти неделю еще прожил он у Нинки на станции. А потом, вместе со Слободкиным сдвиг Зорьку в колхозное стадо, он собрал нехитрые свои пожитки и уехал в Узловую, в районную школу-интернат, после начала войны приравненный к детскому дому...

Редактор А. СОФИН.

КИНО

«ОКТАБРЬ». Голубой зал. «Схватка в нурге» — в 9.15, 11, 13.15, 15.15, 17.15, 19.15 и 21 (удлиненный сеанс). Зеленый

зал. «Ветер надежды» — в 10, 12, 14, 17, 18.45 и 20.30 (удлиненный сеанс). «АМУР». «Ненависть» — в 11, 13, 15, 17, 19 и 21. Для детей «Приключения Нуки» — в 9. «ЗЕЯ». «Мститель» (в

2-х сериях) — в 11, 14, 17 и 20. Для детей «Если бы у меня было ружье» — в 9. «ОГОНЕК». «Маринка, Янка и тайны королевского замка» — в 10 и 11.45. «Молодая гвардия» (в 2-х сериях) — в 14. «Повтор-

ная свадьба» — в 17, 18.45 и 20.30. «ПОБЕДА. «Золотое путешествие Синдбада» — в 11 (детям), 13, 15, 17, 18.45 и 20.30. Хроникально-документальный фильм «Подорожок» — в 10. В фойе кинотеатра открыта

выставка работ детской художественной школы. «40 ЛЕТ ВЛКСМ». «Портниха» женится» — в 11, 13, 15, 17, 18.45 и 20.30. ДОМ ОФИЦЕРОВ. «Служебный роман» (в 2-х сериях) — в 13, 16 и 19.